

МАРКСИЗМ И ОБРАЗОВАНИЕ: ХРУПКОСТЬ, КРИЗИС, КРИТИКА *

Гленн Риковски**,

Университет Линкольна,
Лондон, Великобритания,
rikowski@aol.com

Статья поступила в редакцию 20.05.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Риковски Г. Марксизм и образование: хрупкость, кризис, критика // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 10–28. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_10

Аннотация

Автор статьи, опираясь преимущественно на работы Дж. Холлоуэя (прежде всего, его ранние публикации в журнале Эдинбургской конференции социал-экономистов «Здравый смысл»), утверждает, что важность марксизма состоит в его способности выявлять слабые места в строении, развитии и власти капитала в современном обществе. Наиболее общая идея, развиваемая в данном исследовании, заключатся в том, что капитализм – охваченная кризисом, ущербная, нестабильная, безжалостная и безнадежная форма общественной жизни – должен быть выброшен

* Статья *Marxism and education: Fragility, crisis, critique* была впервые опубликована на английском языке в 2018 г. в журнале *Cadernos do GPOSSHE On-line*. В журнале «Дискурс-Пи» публикуется доработанный автором вариант статьи. Переводчики – В.С. Попова и Е.Б. Голубева, Уральский федеральный университет. Научный редактор перевода – О.Ф. Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН.

** Доктор Гленн Риковски (Glenn Rikowski) – один из видных представителей неомарксистской критической педагогики. В настоящее время является приглашенным научным сотрудником Колледжа социальных наук Университета Лондона (University of London), Великобритания. В 2014–2015 гг. работал приглашенным исследователем

© Риковски Г., 2021

на свалку истории, чтобы люди могли делать больше из того, что хотят, в более безопасной социальной и физической среде, позволяющей им наиболее полно выражать свои способности и страстные увлечения, творческие инстинкты и позитивные эмоции к другим и самим себе. Поэтому необходимо стремиться к преодолению капиталистического общества, включая его образовательные формы, такие как капиталистическое образование. В этом отношении марксистская теория – именно то, что нужно. Во-первых, марксизм является наиболее полно разработанной теорией, отвечающей задаче интеллектуального выявления слабых мест в правлении капитала. Он дает возможность обнаружить хрупкость капитала, каким бы свирепым, агрессивным и монолитным тот ни казался. Во-вторых, марксизм – самая мощная теория кризиса, которая есть на сегодняшний день. Кризис капитализма обнажает хрупкость существования и господства капитала. В-третьих, марксизм – это не просто теория критики, способ критики или какая-то методология, это неустанная критика «всего, что существует» в капиталистическом обществе. Следовательно, марксизм становится радикальной наукой, которая интеллектуально разрушает капитализм, одновременно создавая альтернативные социальные механизмы, ищущие свое основание в некапиталистических общественных отношениях, в том числе в образовании.

Ключевые слова:

марксизм, коммунизм, капитализм, капитал, образование, хрупкость, кризис, критика.

в департаменте образования Университета Англия Раскин (Anglia Ruskin University), до октября 2013 г. – старшим преподавателем в педагогической школе Нортгемптонского университета (University of Northampton). В 1994–2002 гг. являлся членом Группы радикальных левых педагогов *Hillcole*. С 2002 по 2007 гг. совместно с Энтони Грином, сотрудником Института образования Университетского колледжа Лондона (UCL Institute of Education), организовывал семинары «Марксизм и образование: возобновление диалога», которые проходили дважды в год – в мае и октябре. Также вместе с Э. Грином выступил в 2004 г. соучредителем первой в мире серии книг о марксизме и образовании (The Palgrave Macmillan Series on Marxism and Education). Является членом Лондонского отделения Общества философии образования Великобритании (Philosophy of Education Society of Great Britain, PESGB). Входит в редколлегию журнала *Marxism & Sciences*.

MARXISM AND EDUCATION: FRAGILITY, CRISIS, CRITIQUE

Glenn Rikowski,

University of Lincoln,
London, the United Kingdom,
rikowskigr@aol.com

Article received on May 20, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Rikowski, G. (2021). Marxism and Education: Fragility, Crisis, Critique. *Discourse-P*, 18(4), 10-28. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_10

Abstract

The article rests substantially on the work of John Holloway, especially his early articles in *Common Sense: Journal of the Edinburgh Conference of Socialist Economists*. On this foundation, it is argued that the importance of Marxism resides in its capacity to pinpoint fragilities and weaknesses in the constitution, development and rule of capital in contemporary society. The general view in this research is that capitalism – a crisis-ridden, flawed, restless, unforgiving and desperate form of society – needs to be put into the dustbin of history, so that we can do more of what we want to do, in a more secure social and physical environment that allows the fullest expression of our abilities and passions, our creative instincts and positive feelings for others and ourselves. And that is why we have to be committed to the termination and transcendence of capitalist society, including its educational forms as capitalist education. In this light, Marxist theory is exactly what we need. First, Marxism is the most fully developed theory adequate to the task of intellectually locating weaknesses in the rule of capital. It gives us the capacity to locate capital's fragilities however ferocious, aggressive and monolithic it appears. Secondly, Marxism is the most powerful theory of crisis we have today. Crisis in capitalism exposes fragilities in the existence and rule of capital. Thirdly, Marxism is not just a theory of critique, a way of critiquing or some kind of methodology, it is the relentless critique of 'all that exists' in capitalist society. Therefore, Marxism becomes a radical science that intellectually disrupts and ruptures capitalist society, whilst simultaneously creating alternative social arrangements that seek foundations within non-capitalist social relations, and this is inclusive of educational formations.

Keywords:

Marxism, communism, capitalism, capital, education, fragility, crisis, critique.

Введение

Почему марксизм? И, в частности, почему марксистская теория образования? Исследуя эти вопросы, мы приходим к выводу, что марксизм важен, поскольку интеллектуально разрушает капиталистическое общество, бросает вызов основным социальным наукам и образовательным формам капитала. Цель нашего исследования заключается в постановке проблемы преодоления капитализма на основе более развитой социальной формации – коммунизма.

Настоящая статья в значительной степени опирается на работы Дж. Холлоуэя, особенно на его ранние публикации в журнале Эдинбургской конференции социал-экономистов «Здравый смысл», благодаря изучению которых утверждается, что важность марксизма состоит в его способности точно определить хрупкость и слабость капиталистической системы, развития и власти капитала в современном обществе. Понимание этих черт придает марксистской критике капитализма особую остроту. Марксистская теория образования в этом плане играет центральную роль, оправдывает свою интеллектуальную значимость.

Основная идея, развиваемая в данной работе, состоит в том, что капитализм – охваченная кризисом, ущербная, нестабильная, безжалостная и безнадежная форма общественной жизни – должен быть выброшен на свалку истории, чтобы мы могли делать больше из того, что хотим, в более безопасной социальной и физической среде, позволяющей наиболее полно выразить наши способности и страстные увлечения, творческие инстинкты и позитивные эмоции к другим и самим себе. Это, с нашей точки зрения, и есть принятие коммунизма. Более того, антикапитализм в сфере образования «подразумевает преднамеренное создание порочных кризисов для капитала, а не просто организацию реактивного сопротивления, которое, вероятнее всего, обязательно произойдет» (Rikowski, 2021, p. 17). Создание критически ориентированных альтернативных форм образования, учитывающих структурную хрупкость капитализма в сфере образования (образовательную трещину), будет способствовать подрыву основ капитализма на одном из самых ранних и важнейших этапах – на этапе социального и образовательного производства самой рабочей силы.

Хрупкость

Социальные условия труда при капитализме представляются нам нестабильными. В любой момент капитал и его представители (руководители, менеджеры, отделы кадров и т. д.) могут передать нашу работу на аутсорсинг, сократить численность работников или улететь на Дальний Восток в поисках более дешевой рабочей силы. Будучи безработными, мы, похоже, полностью оказываемся во власти капиталистического государства и его мизерных (если таковые имеются) «пособий по безработице», причисляемые в правой прессе к «уклонистам». Мы вынуждены искать работу на неполный рабочий день, чтобы вновь стать объектом эксплуатации для капитала.

Эти непредвиденные обстоятельства и трудности, связанные с работой в условиях современного капитализма, различаются по формату, интенсив-

ности и деталям в зависимости от конкретной страны. Тем не менее ключевой проблемой является наша очевидная социальная хрупкость: капитал кажется столь мощным, неумолимым и социально оправданным в своих действиях («так обстоят дела» и «альтернативы нет»), его поддерживают государственные институты, полиция, суды, СМИ, поэтому хрупкость представляется нашей социальной судьбой. Мы по-прежнему обращаемся к профсоюзам и политическим партиям и иногда побеждаем, наша хрупкость на мгновение растворяется в теплой солидарности, товариществе и эйфории коллективных прогрессивных перемен. На мгновение улицы, площади и другие пространства могут стать нашим местом сопротивления. Но в глобальном масштабе капитал, его сила и человеческие представители остаются. Наша хрупкость вновь подтверждается. Кажется, мы не можем избавиться от этого: наше неустойчивое состояние бытия возвращается, и это подчеркивается еще больше, когда мы смотрим на то, что капиталистическое развитие делает с планетой Земля. Более того, похоже, мы продолжаем кормить монстра, поскольку кажется, «если мы не посвятим свою жизнь труду, создающему капитал, мы столкнемся с нищетой, даже голодом и зачастую с физическими репрессиями» (Holloway, 2010, p. 7).

Даже когда мы четко формулируем, в чем состоит хрупкость капитала, и решаем бороться с ним интеллектуально и практически, данная мысль, тем не менее, заставляет нас быть осторожными, а чаще всего способна нас ослабить и парализовать. Нападая на слабые места капитала, мы опасаемся, что это может создать острые проблемы для нас самих.

И все же именно из-за этих чувств и интуиции нашей слабости перед лицом неутомимого и, казалось бы, всемогущего монстра, которым является капитал, нам нужен марксизм. Он нужен нам, чтобы выявлять слабые места, уязвимости и неустойчивость капитала. Он помогает нам аналитически выявлять и практически углублять уязвимые и слабые места капитализма. Для меня именно это является главным аргументом в пользу того, чтобы сегодня вплотную заниматься марксизмом.

Дж. Холлоуэй пришел к аналогичному выводу почти четверть века назад. По его словам, «в то время как другие теории (например, феминизм и теория зеленых) являются теориями социального господства или угнетения, марксизм берет это угнетение в качестве отправной точки. Вопрос марксизма не в том, «как мы понимаем социальное угнетение?», а в следующем: «Учитывая, что мы живем в угнетающем обществе, как мы можем понять хрупкость этого угнетения?» (Holloway, 1994, p. 39).

Таким образом, несмотря на то, что мы сталкиваемся с многочисленными формами угнетения в капиталистическом обществе – расизмом, сексизмом и т.д. – понимание хрупкости этих форм угнетения, их основ и способов их разрушения имеет решающее значение для прогресса человечества.

Хрупкость капитализма основана, прежде всего, на том факте, что мы как работники постоянно создаем капитал и его общественную форму. Капитал полностью зависит от нашего труда. Следовательно, отмечает Дж. Холлоуэй (2015a), именно мы, по сути, являемся причиной кризиса для капитала. «Мы» – это те..., чья рабочая сила расходуется в огромном множестве капиталистических трудовых процессов для получения прибыли (буквально) от капитала, и также те, кто участвует в общественном воспроизводстве вол-

шебного товара (капитала), которым является рабочая сила» (Garland, 2012, p. 90). Как социальные субъекты «мы» – это «беспокойное движение отрицания» (Holloway, 2009, p. 7; Garland, 2012, p. 90). «Социальный мир по своей сути хрупок, без твердых и конечных оснований» (Cordero, 2017, p. 1). Мы не позволяем капиталу укрепляться, когда боремся с капиталистическим господством. В то же время капиталисты постоянно стремятся преобразовать силу капитала, используя наш труд, интеллект и воображение. В мире борьбы, конечно, мы не можем игнорировать наши собственные зависимости и слабости, но также мы не должны из-за этого отказываться от поиска и использования хрупкости капитала. Слабость капитала очевидна на протяжении «тридцати или более лет... (поскольку)... капиталистическая экономика буквально жила на заемные деньги» (Holloway, 2020, p. 3). Во время пандемии COVID-19 капиталистические государства коллективно заимствуют миллиарды, триллионы долларов, чтобы укрепить экономику, создавая тем самым дополнительные структурные хрупкости.

Именно тогда, когда мы переходим к изучению капиталистической системы образования, мы находим убедительное подтверждение правоты не только марксистской науки в целом, но и марксистской теории образования в частности. Это происходит потому, что марксистская теория образования раскрывает пагубность и ужас роли образовательных учреждений в капиталистическом обществе, а также самую общую и глубокую слабость капитала. Рабочая сила, наша способность к труду, товар, который покупается и продается на капиталистическом рынке труда и который принадлежит рабочим и периодически используется капиталистическими предприятиями для создания прибавочной стоимости, являются внутренними свойствами личности в капиталистическом обществе. Создание капитала как еще большего капитала, его новая жизнь как прибавочной стоимости основывается на уникальном, волшебном товаре, которым является рабочая сила. То, что этот драгоценный товар находится внутри самих работников в капиталистическом обществе, крайне неудобно для капитала и его человеческих представителей. Рабочих необходимо принуждать, уговаривать, стимулировать и убеждать расходовать их чудесный товар в капиталистических трудовых процессах в целях создания прибавочной стоимости, от которой зависит расширение и развитие капитала.

Начиная со Второй мировой войны, в современном капиталистическом обществе, особенно в наиболее развитых капиталистических странах Европы и Америки, образовательные учреждения стали все больше вовлекаться в процесс подготовки новой рабочей силы (Rikowski, 2002a, pp. 131–135, 2002b, pp. 193–196, 2021, pp. 94–96). Марксизм как самая передовая современная теория, позволяющая понять суть процессов, связанных с подготовкой новой рабочей силы, лучше всего подходит для критики таких «прогрессивных» идей образовательной политики, как «возможность трудоустройства», «обучение на протяжении всей жизни», служащих поддержкой для капиталистического воспроизводства рабочей силы, когда вся жизнь человека превращается в самопожертвование капиталу.

Кроме того, рассмотрение роли образовательных учреждений в общественном воспроизводстве рабочей силы через призму марксизма указывает на реальную социальную власть учителей в современном обществе. Они вносят

решающий вклад в развитие уникального товара – рабочей силы, на котором основано создание и расширение капитала за счет производства прибавочной стоимости. Если рабочая сила является топливом для живого огня (т. е. труда), то учителей можно рассматривать как хранителей пламени или ангелов топливной свалки – со всеми их возможностями для формирования альтернативного видения общества, стимулирования надежды и способности к критическому видению, чего так боятся представители капитала.

Кризис

Марксизм – самая мощная теория кризиса капитализма, которая у нас есть сегодня, и для меня это еще одна причина знакомства с трудами К. Маркса и марксистской теорией. Кризис капитализма обнажает хрупкость существования и господства капитала – это вытекает из нашей заинтересованности в раскрытии слабостей капитала. Кризисы в капитализме указывают на «силу труда против капитала и за его пределами», и «кризис является проявлением этой силы и по этой причине центральной концепцией марксизма» (Holloway, 1991, p. 77). Капиталистическое общество подвержено кризисам, и «кризис всегда с нами, потому что для капитала труд является проблемой» (Crisis in the class relation, 2010, p. 4), и именно «присутствие власти труда в капитале делает его неизменно подверженным кризисам» (Holloway, 1991, p. 74). Кризис – это *modus operandi* капитала (Screamin', 2008, p. 1).

«Постоянная тенденция к кризису» указывает на нестабильность и хрупкость капитализма (Holloway, 1991, p. 74), и в то же время является проявлением силы труда, способной нарушить ход капиталистического развития (p. 74). Дж. Каффентзис утверждает, что для К. Маркса «кризис выводит на поверхность истину капиталистической системы..., у нее есть уязвимые места и исторический срок годности» (Caffentzis, 2002, p. 6). Согласно К. Фрингсу, «каждый кризис указывает на историческую конечность капитализма» (Frings, 2009, p. 2). По Дж. Холлоуэю, «в кризисе непостоянство капитализма становится очевидным» (Holloway, 1987, p. 55). Поскольку кризисы указывают на «предельный опыт» капитализма, когда ощущается смертность системы (Promissory notes, 2009, p. 2), на этом основании становится ясно, что именно кризис лежит в «сердце капитализма» (Holloway, 1987, p. 56, 1992, p. 147).

Марксизм – это теория кризиса, теория хрупкости капитализма (Holloway, 1994, p. 39–40). Для тех, кто стремится не просто бороться против капитализма, живя в его рамках, но еще и выйти за пределы капитализма как интеллектуально, так и практически, теория К. Маркса как теория кризиса бесценна.

Но что представляет собой кризис? И «что именно означает говорить о «кризисе»?» (Rikowski, 2015, pp. 5–9, 2018, pp. 9–10; Samman, 2011, p. 4). Этимологически понятие «кризис» происходит от греческого существительного *krisis*, обозначающего некое решение, выбор или суждение (Peters, 2013, p. 199), и от греческого глагола *krino*, означающего «отрезать, выбирать, решать, судить», который имеет общий корень со словом «критика» (Osborne, 2010, p. 23). Такой взгляд на кризис часто восходит к Гиппократу, поскольку на врачей возложена ответственность за принятие правильных решений и выбор в отношении здоровья и благополучия пациентов. В свою очередь, они также

несут ответственность за правильную диагностику заболеваний и недомоганий и эффективное наблюдение за состоянием пациента после медицинского вмешательства. По Гиппократу, кризисный момент в болезни – это поворотный момент в силе болезни: когда становится ясно, что пациент либо находится на пути к выздоровлению, либо ему грозит смерть или, по крайней мере, тяжелое истощение (например, ампутация конечностей). Как отмечает Б. Данн, обращение к «кризису» как отправной точке для социального объяснения означает, что выздоровление должно быть учтено, когда это происходит (Dunn, 2014).

Дж. Холлоуэй вслед за Гиппократом утверждает, что «кризис» означает «качественный поворотный момент, перерыв в нормальном процессе изменений... Изначально «кризис» – это медицинский термин. В своем первоначальном греческом значении это означало поворотный момент в болезни» (Holloway, 1992, p. 145).

Кризисная точка – это тот момент, когда смерть или спасение висят на волоске. Холлоуэй утверждает, что этот подход к кризису как поворотному моменту также может быть применен к социальным и историческим исследованиям, и что кризис относится не просто к «трудным временам», а к поворотным моментам. Он обращает внимание на разрывы в истории, путях развития, схеме движения, изменениях интенсивности времени (Holloway, 1992, p. 146).

Для Дж. Холлоуэя концепция кризиса является незаменимым подспорьем для понимания социальных и исторических изменений. Кризисы могут повторяться: может показаться, что единичный кризис достиг положительной поворотной точки только для того, чтобы позже перейти в отрицательное направление. Таким образом, несмотря на то, что «кризис – это период интенсивных изменений, которые могут привести в ту или иную сторону» (Holloway, 1992, p. 146), может произойти регресс, откат назад и повторение кризиса.

Понятие кризиса, исходя из его медицинских корней, может быть применено к социальным явлениям, процессам и событиям. Сказать, что они находятся в состоянии кризиса, значит обозначить ситуацию как связанную с «неминуемой опасностью и высоким риском» (Gamble, 2009, p. 39). Это создает необходимость принимать быстрые решения, часто «под давлением и с очень неполными знаниями», которые «могут привести к очень разным результатам» (p. 39).

Дж. Ройтман в одной из своих статей утверждает, что кризис является основным слепым пятном для производства знаний. Сделать это слепое пятно видимым означает спросить, как мы создаем значимость для самих себя (Roitman, 2011, p. 3). Кризис – это слепое пятно, мы не можем рассматривать или понимать его независимо от явлений, которые представляют собой этот «кризис». Размышления о концепции кризиса – хороший интеллектуальный инструмент для производства определенных видов знаний, в особенности исторических. В своей книге «Антикризис» Дж. Ройтман иллюстрирует эффективность данного инструмента для проведения социального анализа в целом (Roitman, 2014). Ее анализ кризиса предполагает, что идея кризиса относится к явлению без субъекта: кризис – это всего лишь следствие сложного набора социальных конъюнктур и тенденций, он не имеет собственного субъекта. Центростремительная точка этого социального водоворота пуста. Глаз социальной бури нельзя увидеть: де-факто она лишена содержания.

В Кембриджском словаре английского языка есть два определения слепого пятна, представляющих интерес для целей нашего исследования. Первое гласит, что слепое пятно – это область, которую вы не можете видеть. Особенно это относится к той части дороги, которую вы не можете видеть сзади, сидя за рулем автомобиля, хотя правильное расположение зеркал заднего вида, казалось бы, проливает свет на слепую зону¹. Однако именно второе словарное определение попадает в самую точку: слепое пятно трактуется как предмет, который вам очень трудно понять, иногда именно потому, что вы просто не хотите даже попытаться это сделать. На основании этого определения можно утверждать, что Дж. Ройтман просто не задавалась специально вопросом, каким может быть социальное око бури: она не исследовала, чем является или может быть объект кризиса. «Что именно находится в кризисе?», – спрашивает она. Отвечать на этот вопрос, считает автор, бессмысленно: «Поспешное предположение, что какая-то вещь находится в кризисе, вызывает неизбежный скачок к абстракции, поскольку, как я уже указывала (ранее), кризис сам по себе не может быть обнаружен или наблюдаем как объект знания первого порядка» (Roitman, 2014, p. 49).

Дж. Ройтман, хотя и исключает существование объекта конкретного кризиса, все же кратко рассматривает вопрос о том, могут ли быть субъекты кризисов (Roitman, 2014, pp. 65–70), которые можно постичь. Так, она отмечает, что экономический кризис 2007–2009 гг. вызвал «кризис неолиберального субъекта». Тогда ведущие экономисты особенно остро ощутили столкновение своих неолиберальных установок с новой социальной реальностью – банковскими банкротствами, кредитными кризисами, ипотечными дефолтами, выселениями из домов и другими явлениями, составляющими сценарий кризиса. По мнению Ройтман, данный конфликт ментального и реального неправильно понимается людьми, пострадавшими от кризиса 2007–2009 гг., поскольку «кризис – это неизученная отправная точка для наррации», это слепое пятно для производства знаний о том, что является исторически значимым, составляет социальный или исторический смысл. Кризис – это точка, с которой начинается герменевтика или антропология, это средство доступа к социальному опыту, поскольку влечет за собой раскрытие конститутивных условий человеческой практики (2014, p. 66).

Таким образом, кризис – это нарративная категория (Roitman, 2014, p. 70): точка, с которой начинается история, повествование о ситуациях, которые мы считаем «кризисными». Идея кризиса позволяет нам конструировать смыслы и нарративы об исторических поворотных моментах, и в этих процессах мы являемся «субъектами кризисных времен» (p. 66). Нарраторы, создатели смыслов, являются для Ройтман подлинными субъектами кризисов.

К счастью, данные размышления Ройтман появились после того, как многие другие авторы уже успели выдвинуть свои веские воззрения относительно темы кризисов. Если кратко обратиться к понятию «кризис образования», то его субъектами называются, к примеру, учреждения государственной системы образования (Sarup, 1982), авторы и сторонники концепций «образование ради образования» (Furedi, 2009; Hodgson et al., 2018), «обучающееся общество» и «обучение на протяжении всей жизни» (Wain, 2004).

¹ Этот момент был актуален, когда в июле 1994 г. мой автомобиль был сбит французским автобусом на трассе M1.

В соответствии с проектом выявления слабостей и хрупкости капитала, тема кризиса должна быть самой взрывоопасной, но в то же время основной и разрушительной темой, которую только можно себе представить, поскольку она включает такие вопросы, как отношения между трудом и капиталом, иногда называемые классовыми отношениями. Этот предмет кризиса стирает любое слепое пятно и может наблюдаться на протяжении развития всей капиталистической общественной формации, а не только в сфере экономики.

Как утверждает Дж. Холлоуэй, «капиталистический кризис – это кризис отношений капитала. Это не «рецессия» или «спад в экономике», хотя он может выглядеть таковым. Это кризис отношений между правящим классом и эксплуатируемым классом» (Holloway, 1987, p. 56). Для Холлоуэя это «фундаментальный момент», которого обычно избегают при обсуждении кризиса. Кризисы капиталистического господства периодически возникают, поскольку «господство никогда не бывает легким», а господствующие «живы и сопротивляются» (p. 56). Кризис «выражает структурную нестабильность капиталистических общественных отношений, нестабильность основного отношения между капиталом и трудом, на котором основано общество» (Holloway, 1992, p. 159).

Отношения капитала и эксплуатируемого им класса являются предметом кризиса. Поэтому теория кризиса – это «теория изменчивости классовых отношений» (Holloway, 1992, p. 162). Для Холлоуэя кризис – это результат «не силы рабочего класса или рабочего движения... , но силы общего сопротивления стремлению капитала к все более глубокому подчинению человечества» (Holloway, 2002, p. 39).

Открытая классовая борьба – забастовки, протесты, захват рабочими заводов, саботаж и т. д. – является показателем явной неспособности представителей капитала целиком подчинить себе волю рабочих, коллективный труд. Если кризис выплескивается на улицы, на заводы и в офисы, то это есть жизненно важный сигнал для представителей капитала (Bolchover, 2005; Paulsen, 2014). В определенные моменты отношения господства «испытывают напряжение», и если это давление становится интенсивным, то отношения капитала должны быть «реструктурированы, если капитал хочет остаться хозяином положения» (Holloway, 1987, p. 56).

Критика

Сама идея критики в последние годы претерпела ряд изменений. С одной стороны, Б. Латур отмечает, что критика «выдохлась» (Latour, 2004); с другой – Р. Килминстер говорит о властной силе критики и утверждает, что она, подобно интеллектуальному японскому спорышу, подавила представления о том, что в современном обществе есть вещи, которые стоит сохранять и ценить. Как социолог он указывает на «чистую чрезмерную критику» в современной социальной науке, где контраст между обществом, каким оно есть (капитализм), и тем, чем оно должно быть (коммунизм), стал слишком велик (Kilminster, 2013, p. 5). Это приводит к дисбалансу в суждениях о современном обществе, преуменьшению его достижений и мягких принуждений (p. 7).

Другие социологи отмечают «чрезмерность» критики. Например, Б. Дикен выделяет радикальную критику и социологию критики, основанную на «праг-

матической социологии» (Diken, 2015, p. 923). Дикен в основном фокусируется на социологии критики, где критика – «это то, что позволяет нам рассматривать наше нынешнее состояние через призму возможного» (p. 923). Социология критики сосредотачивает свое внимание на преобразованиях капитализма (p. 924), а не на поиске его слабостей с целью их углубления. Таким образом, социология критики «сводит всю критику к реформистской критике» (Diken, 2015, p. 930, 2012, p. 159). Для Дикена радикальная критика является «утопией» (Diken, 2012, p. 172).

На многие положения Дикена, вероятно, повлияла работа Л. Болтански и Е. Чиапелло (Boltanski & Chiapello, 2007). В ней критика представляется бесполезной и бессмысленной, поскольку способность капитала поглощать критику, протест и сопротивление кажется безграничной. По мнению авторов, социальная критика уже столетие не казалась такой беспомощной, как последние пятнадцать лет (p. xxxv). Ибо «капитализм продолжает развиваться и, как правило, преодолевает кризисы, которые он порождает, реагируя на «критику», похищая удары грома своих критиков, отвечая на некоторые из их вызовов, отвлекая внимание от других жалоб, которые либо не устранены, либо усугублены» (Brick, 2009, p. 2).

Придерживаясь неовеберовской позиции, Л. Болтански и Е. Чиапелло утверждают, что, поскольку «дух» капитализма постоянно развивается и мутирует, радикальным левым критикам капитализма необходимо продолжать внедрять инновации в свой критический анализ. Таким образом, критика становится сизифовым трудом, движением на беговой дорожке, вечно стремящимся догнать хитрые метаморфозы капитала, при этом традиции антикапитализма постоянно устаревают (Brick, 2009, p. 6). В более поздней работе Л. Болтански, говоря о критике капитализма, применяет к ней концепцию социального доминирования (Boltanski, 2011, p. 1), т. е. исходит из теории господства капитала над трудом.

По мнению Р. Фельски, аналитик должен сосредоточиться на пределах критики капитала (Felski, 2015), поскольку ее воздействие на субъект или объект критики слишком разрушительно. По мнению автора, это связано с тем, что критика проявляет агрессивность там, где процесс критики и человек, его проводящий, «любят, чтобы последнее слово было за ними» (p. 123). Критика неприятна, критика негативна (pp. 127–134), она неизбежно преуменьшает любую ценность, достоинства или красоту, которыми обладают критикуемые явления. Интеллектуальность критики имеет тенденцию отсекалть или подрывать любые эмоциональные или моральные реакции на субъект или объект критики, сужая диапазон человеческих чувств pp. 134–140). С такой точки зрения на критику, остается всего один шаг до того, чтобы поднять флаг «посткритики», который Фельски разворачивает вместе со своей коллегой Э. Анкер (Anker & Felski, 2017).

«Критика критики» в последние годы нашла свое отражение в теории и философии образования. Авторитетная статья Б. Эпплбаум упрочила посткритическую тенденцию в философии образования, которая укреплялась в течение нескольких лет (Applebaum, 2011). Автор следует идее Дж. Батлер о «приостановлении суждения» (хотя и не отменяет его полностью) в процессе критики (Butler, 2001). Для Б. Эпплбаум главная проблема состоит в том, чтобы

вынести суждение уже после того, как оно было приостановлено (Applebaum, 2011, p. 62). Она призывает к тому, чтобы постструктуралистская критика Батлер занимала центральное место в изучении студентами дискурсов, которые затевают вопросы о том, каким образом они получают свои знания, и кому выгодна данная практика (p. 62).

В последнее время благодаря работам Н. Ходжсон, Й. Влиге и П. Замойского, раздувающих пламя посткритики в теории и практике образования (Hodgson et al., 2016, 2017, 2018), произошел сдвиг в сторону посткритической философии образования и посткритической педагогики. Данные теоретики посткритического образования настаивают на том, что посткритичность их Манифеста «ни в коем случае не является антикритической позицией» (Hodgson et al., 2017, p. 17).

Возьмемся к одному из первоначальных вопросов: почему марксизм? Я бы сказал, что приверженность марксизму оправдана в силу предлагаемой им специфической формы критики капитализма. Во-первых, как утверждает Дж. Ройтман (Roitman, 2014), кризис и критика являются «родственниками», поскольку этимологически эти два понятия имеют общее происхождение, они похожи на концептуальных «кровных родственников» (Boland, 2013, p. 231). Й. Форнас полагает, что идея критики в конечном счете происходит от греческого *kritikos*, который занимается определением правильного и неправильного, что имеет место, а что не имеет, отделяет то, что есть, от того, чего нет (Fornäs, 2013, p. 505). Х. Гюрсес подчеркивает, что прилагательное *kritikos* и глагол *kreinein* имеют общие корни и указывают на акты «различения, разделения, принятия решений, осуждения, обвинения и борьбы» (Gürses, 2006, p. 1). Далее он показывает, что «критика» берет свое начало в медицинской терминологии, как и понятие «кризис».

Й. Форнас отмечает, что с XVI–XVII вв. понятие «критика» стало обозначать «более общий поиск недостатков, негативное возражение против чего-либо» (Fornäs, 2013, pp. 504–505). Затем понятие критики начало использоваться также в отношении литературных и художественных произведений, что продолжается и по сей день (p. 505). И. Кант «обобщил эту эстетическую концепцию критики», которая стала «обозначать любое подробное аналитическое суждение, основанное на способности отличать, дифференцировать и различать» (p. 505). В XIX в. К. Маркс поднял меч критики в отношении политической экономии капитализма, а в XX столетии Франкфуртская школа взмахнула мечом своей критической теории в направлении культурного анализа. Идея критики набирала силу во всех социальных науках, искусствах и гуманитарных науках, начиная с конца XIX столетия.

Марксизм, по моему мнению, не просто имеет теорию критики, он живет и дышит критикой, это глубоко радикальная критика, она доходит до нас, до представителей труда, до рабочих. Она показывает, что именно наш труд лежит в основе господства капитала, процессов, которые мы стремимся подорвать и сделать более слабыми, более хрупкими. Как отмечал М. Фуко, «критика – это вопрос того, чтобы сделать вещи более хрупкими» (Foucault, 2007, p. 138), и марксизм – самая мощная теория, которая у нас есть для этого предприятия. Как утверждает Дж. Холлоуэй, «акцент на хрупкости капитализма указывает в направлении использования этой хрупкости сейчас, открывая трещины в структуре господства везде, где возможно» (Holloway, 2005, p. 273).

Есть три основных пути использования марксистской критики для подрыва оснований современного капитализма. Во-первых, в чреве зверя, в социальной вселенной капитала могут быть открыты новые пространства: альтернативы, практические инициативы, которые стремятся противостоять господству капитала и его абстракциям, особенно абстрактному труду. Эти практические действия и инициативы направлены не только на то, чтобы противостоять капиталистической общественной жизни (т. е. быть против капитала), но и на то, чтобы позиционировать себя в качестве попытки выйти за ее пределы. Во-вторых, коммунистический импульс может быть возвращен в рамках нынешнего общества путем укрепления новых форм социальных отношений внутри существующего капитализма, делая их сильнее уже сегодня. По мнению Дж. Холлоуэя, «капитализм чреват коммунизмом» (Holloway, 2005, p. 271). Наконец, третий путь – это проведение интеллектуальной атаки на капитал с позиций марксизма, это вскрытие его концептуальных слабостей, это «прыжки» на слабые места капитала, это «крики» о них «со всех крыш». Этот третий момент касается нас всех.

Да, но товар, стоимость, абстрактный труд: как нам изгнать их из нашей социальной жизни? Как нам уменьшить этих монстров до мизерных размеров, а их изуродованные тела отправить в мусоропровод? Марксистская критика обеспечивает нас таким интеллектуальным механизмом, ибо марксизм – это Большой адронный коллайдер, который расщепляет жесткие, устойчивые идеи, придающие форму социальной вселенной капитала. Включив питание атомного ускорителя, мы создаем фрагментацию категорий капитала, которые предстают как «кристаллизации того, как исторически организованы социальные отношения» (Cordero, 2017, p. 8). Как ясно дает понять М. Нири, только закрепив эти категории, или реальные абстракции в их реальной социальной сущности, их можно лишиться социальной власти и авторитета (Nearby, 2017, p. 561). Мы, следовательно, должны разрушить кристаллические идеи, которые скрепляют капитал, чтобы обнаружить, как только осядет пыль, что мы настоящие деятели, организаторы и создатели огромной социальной силы, выступающей против капитала, который нас угнетает и который является объектом марксистской критики (Moraitis & Copley, 2017, p. 99).

Р. Фелски неодобрительно замечает: «Крритика! Слово слетает с языка, как оружие, испуская быструю гортанную очередь пулеметного огня» (Felski, 2015, p. 120). Однако марксистская критика – это более сильное, ядерное, оружие, которое не связано с пулеметами или гороховыми шулерами. У нас есть социальная вселенная, которую нужно интеллектуально завоевать, и другая, которую нужно построить – одновременно! Нам нужно оружие разрушения, обладающее силой марксистской критики! Марксизм как высшее интеллектуальное оружие раскалывает застывшие категории капитала, чтобы показать силу человеческого действия во всей его магической дикости, ибо: «Возьмите категорию, расколите ее. Что мы видим? Раскол открыт, и мы обнаруживаем антагонистическое единство ценности и потребительной стоимости» (Holloway, 2012, p. 515). Это не философское противоречие, «а живой антагонизм, постоянная борьба, столкновение противоположных движений» (p. 517).

В то время как этот конкретный процесс расщепления порождает напряженность, насильственное соотношение между стоимостью (основанной

на абстрактном труде) и потребительной стоимостью (выраженной в товарах), критика не является радикальной, не проникает в суть вопроса. Как утверждает Дж. Холлоуэй, «...этого недостаточно. Нам нужно проникнуть в суть, нам нужно идти до конца (как настаивает Маркс). Нам нужно достичь понимания этой категории с точки зрения человеческих действий, проходя слой за слоем концептуализации, если это необходимо. Почему? Потому что только если мы поймем социальный мир с точки зрения человеческих действий, мы сможем четко сформулировать вопросы о том, какие человеческие действия необходимы для его изменения» (Holloway, 2012, p. 515).

Таким образом, критика продолжается до тех пор, пока не будет раскрыто человеческое содержание категорий, которые мы разрушаем; крайне важно показать, как мы (как рабочие и работники) создаем и генерируем социальные формы капитала, которые противостоят нам как призрачные, но реальные абстракции, которые управляют нашей жизнью. Критика в этом смысле – это не просто академическое упражнение, исследующее дискурс для выявления несоответствий, противоречий, апорий или пагубных ценностей, скрывающихся под выражениями кажущихся положительными добродетелей. Она направлена на то, чтобы раскрыть, что люди делают в капиталистическом обществе, что скрывается за концепциями и абстракциями, которые придают капиталу его сущность и согласованность, в целях того, чтобы действовать по-другому, чтобы коммуницировать. Отправной точкой для этого является критика «нерефлексируемых предпосылок», включенных в категории, имеющих социальную значимость в капиталистическом обществе, таких как «товар», «стоимость» и «труд», чтобы раскрыть, как эти конституированные формы «являются формами человеческой социальной практики» (Bonefeld, 2005, p. 1), чтобы показать, как мы создаем, воспитываем и поддерживаем эти социальные формы, как мы продолжаем создавать капитализм, в качестве руководства к тому, как мы могли бы создавать альтернативные социальные отношения и различные способы действий. Соответственно, марксистская критика – это теория социального переустройства, теория того, как создаются и поддерживаются капиталистические формы, как капитализм социально устроен. Критика Маркса и марксистская критика «должны показать человеческое содержание, каким бы извращенным и униженным оно ни было, конституционных форм капитала... ибо нет формы без содержания» (p. 2).

«Критика форм» (Holloway, 2001, p. 66) раскрывает антагонистический характер капиталистических социальных отношений, то, что мы также видим себя в качестве «отрицаемых субъектов», ибо «капитал зависит от того, что он отрицает: в этом заключается сила надежды, которая существует в режиме отрицания, в этом заключается надежда» (p. 68). Наш способ существования может быть отвергнут в социальной вселенной капитала, но мы всегда там; капитал не может избавиться от нас, более того, его существование зависит от нашего труда. Марксистские принципы критики категорий капиталистической политической экономики применимы также к критике религии, политики или социологии, критике гендерных исследований или чего-либо еще: «вопрос всегда в том, как мы понимаем существование категорий *ad hominem*, на основе того, как организована человеческая деятельность» (Holloway, 2012, p. 516). Также Дж. Холлоуэй утверждает, что «в центре критики находится открытие самого

важного атома из всех: труда» (р. 517), а в своих более поздних работах пишет, что именно «богатство» является реальной отправной точкой для анализа критики капитализма в «Капитале» Маркса (Holloway, 2015b).

В своих исследованиях 2001–2006 гг. мне удалось показать, что для критики капиталистического образования необходимо было взять две отправные точки, две товарные формы – рабочую силу (уникальный товар, создающий стоимость) и общий класс товаров (Rikowski, 2001, 2003, 2005). В случае частных коммерческих школ и университетов эти две товарные формы, взятые в развитии, работают в тандеме (Rikowski, 2018).

Заключение

Содержание данной статьи свидетельствует о том, что мы привержены идее преодоления капиталистического общества, включая его образовательные формы, такие как капиталистическое образование. Следовательно, марксизм в этом свете становится радикальной наукой, которая интеллектуально разрушает капитализм вместе с его образовательными формами, создает альтернативные социальные механизмы, такие как некапиталистическое образование.

Во-первых, марксизм является наиболее полно разработанной теорией, адекватной задаче интеллектуального выявления слабых мест во власти капитала. Именно из-за нашего чувства слабости перед лицом капитала нам нужен марксизм: он дает возможность находить уязвимости капитала, каким бы свирепым, агрессивным и монолитным он ни казался.

В современном обществе образование прямо или опосредованно участвует в общественном производстве рабочей силы – единственного товара, который подпитывает расширение капитала, производит прибавочную стоимость. При этом мы как реальные и потенциальные работники (например, студенты, безработные, вся резервная армия труда) обладаем товаром, который выступает источником нашей силы. Сила труда, а также социальная власть учителей вносят значительный вклад в общественное воспроизводство рабочей силы. Учителя обладают способностью ниспровергать, ставить под сомнение практикуемые современным капитализмом формы общественного производства. Они также могут разработать альтернативные, кооперативные формы образования, в которых производство рабочей силы для капитала подвергается серьезной критике. Для меня только одних этих соображений было бы достаточно для принятия марксизма в целом и марксистской теории образования в частности.

Во-вторых, марксизм – самая мощная теория кризиса, которая у нас сегодня есть. Кризис капитализма обнажает хрупкость существования и власти капитала. Для меня, как и для всех работников труда, это имеет решающее значение, поскольку капитал зависит от нас, мы можем освободиться от него, выжить и процветать, упиваясь коммунистическим порывом. Это осознание кризиса включает также понимание того, как кризисы в образовании могут стать кризисами для капитала (Rikowski, 2018).

В-третьих, марксизм – это не просто теория критики, способ критики или какая-то методология. Марксизм – это неустанная критика «всего, что существует» (Marx, 1992) в капиталистическом обществе. Поскольку марксистская теория растворяет все социальные формы и явления капитала в критике, она

может указать путь к тем видам социальной жизни, которые мы можем построить, исключив капиталистические социальные отношения. Мы можем построить эти новые формы жизни уже сейчас, и мы уже проделали часть этой работы, поскольку коммунизм уже существует как подавляемая форма жизни в капиталистическом обществе. Нам не нужно ждать появления «правильных условий», поскольку они уже с нами в течение некоторого времени!

Критика образовательных форм капитала, особенно его товарных форм, едва началась, но проделанная к настоящему времени работа указывает на то, что если мы хотим создать те виды образовательных форм, которые, как мы говорим, нам нужны, то мы должны разработать альтернативы «государственному образованию», и они уже начинают появляться.

References

1. Anker, E., & Felski, R. (Eds.). (2017). *Critique and postcritique*. Durham & London: Duke University Press.
2. Applebaum, B. (2011). Critique of critique: On suspending judgement and making judgement. In *Philosophy of education*. Yearbook of the Philosophy of Education Society, 2011.
3. Boland, T. (2013). Towards an anthropology of critique: The modern experience of liminality and crisis. *Anthropological Theory*, 13(3), 222–239.
4. Bolchover, D. (2005). *The living dead: Switched off, zoned out – the shocking truth about office life*. Chichester: Capstone Publishing Limited.
5. Boltanski, L. (2011). *On critique: A sociology of emancipation*. Malden: Polity Press.
6. Boltanski, L., & Chiapello, E. (2007). *The new spirit of capitalism*. London: Verso.
7. Bonefeld, W. (2005). *Social form, critique and human dignity*. Retrieved May 24, 2014, from <https://libcom.org/library/social-form-critique-and-human-dignity>
8. Brick, H. (2009). Is anti-capitalism enough? The new crisis & the left. Retrieved January 29, 2017, from <https://againstthecurrent.org/atc138/p2036/>
9. Butler, J. (2001). *What is critique? An essay on Foucault's virtue*. Retrieved May 27, 2015, from <https://transversal.at/transversal/0806/butler/en>
10. Caffentzis, G. (2002). *On the notion of crisis of social reproduction: A theoretical review*. Retrieved November 23, 2014, from <http://www.commoner.org.uk/caffentzis05.pdf>
11. Cordero, R. (2017). *Crisis and critique: On the fragile foundations of social life*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315753904>
12. *Crisis in the class relation* (2010). In *Endnotes collective. Endnotes 2: Misery and the value form* (pp. 2–19). Retrieved March 2, 2012, from <https://endnotes.org.uk/articles/2>
13. Diken, B. (2012). *Revolt, revolution, critique: The paradox of society*. London: Routledge.
14. Diken, B. (2015). Critique as justification – and beyond. *The Sociological Review*, 63(4), 922–939. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12336>
15. Dunn, B. (2014). *The political economy of global capital and crisis*. London:

Routledge.

16. Felski, R. (2015). *The limits of critique*. London: The University of Chicago Press Ltd.

17. Fornäs, J. (2013). The dialectics of communicative and immanent critique in cultural studies. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique*, 11(2), 504–514.

18. Foucault, M. (2007). *The politics of truth*. Los Angeles: Semiotext(e).

19. Frings, C. (2009). Global capitalism: Futures and options. Retrieved February 13, 2015, from <http://turbulence.org.uk/turbulence-4/global-capitalism-futures-and-options/>

20. Furedi, F. (2009). *Wasted: Why education isn't educating*. London: Continuum.

21. Gamble, A. (2009) *The spectre at the feast: Capitalist crisis and the politics of recession*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

22. Garland, C. (2012). We are the crisis: Class struggle as contradiction and contestation within, against, (and beyond) the capitalist present. In W. Jackson, B. Jeffrey, M. Marino & T. Sykes (Eds.), *Crisis, rupture and anxiety: An interdisciplinary examination of contemporary and historical human challenges*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

23. Garland, C. (2017). *Against "that which is": Frankfurt school-infused critical theory grounded in autonomist Marxism / autonomist Marxism grounded in Frankfurt school-infused critical theory*. Retrieved July 9, 2018, from https://www.academia.edu/35110130/Garland_C._2017_Against_that_which_is_Frankfurt_School-infused_Critical_Theory_groundedin_in_autonomist_Marxism_autonomist_Marxism_groundedin_in_Frankfurt_School-infused_Critical_Theory

24. Gürses, H. (2006). *On the topography of critique*. Retrieved May 24, 2014, from <http://eipcp.net/transversal/0806/guurses/en>

25. Hippocrates of Kos. (1983). Epidemics (book I and book III). In G. E. R. Lloyd (Ed.), *Hippocratic Writings*. Harmondsworth: Penguin Classics.

26. Hodgson, N., Vlieghe, J., & Zamojski, P. (2016). *Manifesto for a post-critical pedagogy*. Retrieved December 20, 2017, from <https://educationstudiesathope.files.wordpress.com/2016/10/download-manifesto-for-a-postcritical-pedagogy.pdf>

27. Hodgson, N., Vlieghe, J., & Zamojski, P. (2017). Manifesto for a Post-Critical Pedagogy. In N. Hodgson, J. Vlieghe, & P. Zamojski (Eds.), *Manifesto for a post-critical pedagogy* (pp. 15–22). Brooklyn: Punctum Books.

28. Hodgson, N., Vlieghe, J., & Zamojski, P. (2018). Education and the love for the world: Articulating a post-critical educational philosophy. *Foro de Educación*, 16(24), 7–20. <https://doi.org/10.14516/fde.576>

29. Holloway, J. (1987). A note on Fordism and neo-Fordism. *Common Sense: Journal of Edinburgh Conference of Socialist Economists*, (1), 52–59.

30. Holloway, J. (1991). In the beginning was the scream. *Common Sense: Journal of Edinburgh Conference of Socialist Economists*, (11), 69–77.

31. Holloway, J. (1992). Crisis, fetishism, class composition. In W. Bonefeld, R. Gunn & K. Psychopedis (Eds.), *Open Marxism. Vol. II: Theory and practice* (pp. 145–169). London: Pluto Press.

32. Holloway, J. (1994). The relevance of Marxism today. *Common Sense: Journal of Edinburgh Conference of Socialist Economists*, (15), 38–42.

33. Holloway, J. (2001). Why read Capital? *Capital & Class*, 25(3), 65–69.

34. Holloway, J. (2002). Class and classification: Against, in and beyond labour. In A. Dinerstein & M. Neary (Eds.), *The labour debate: An investigation into the theory and reality of capitalist work* (pp. 27–40). Aldershot: Ashgate.
35. Holloway, J. (2005). No. *Historical Materialism: Critical Research in Marxist Theory*, 13(4), 265–284.
36. Holloway, J. (2009). Negative and positive autonomism, or Why Adorno? In J. Holloway, F. Matamoras & S. Tischler (Eds.), *Negativity and revolution: Adorno and political activism* (pp. 95–100). London: Pluto Press.
37. Holloway, J. (2010). *Crack Capitalism*. London: Pluto Press.
38. Holloway, J. (2012). Crisis and critique. *Capital & Class*, 36(3), 515–519.
39. Holloway, J. (2015a). We Are the fragility of the system: John Holloway interviewed by Fiona Jeffries. In F. Jeffries (Ed.), *Nothing to lose but our fear*. London: Zed Books.
40. Holloway, J. (2015b). Read Capital: The first sentence, or, Capital starts with wealth, not with the commodity. *Historical Materialism: Critical Research in Marxist Theory*, 23(3), 3–26. <https://doi.org/10.1163/1569206X-12341420>
41. Holloway, J. (2020). A cascade of angers: My COVID 19 fantasy. Retrieved April 22, 2021, from <https://www.resilience.org/stories/2020-06-19/a-cascade-of-angers-my-covid-19-fantasy/>
42. Kilminster, R. (2013). Critique and overcritique in sociology. *Human figurations: Long-term Perspectives on the Human Condition*, 2(2), 1–11.
43. Latour, B. (2004). Why has critique run out of steam? Matters of fact to matters of concern. *Critical Inquiry*, 30(2), 225–248.
44. Marx, K. (1992). Marx to Ruge. Letter from the Franco-German Yearbooks, Kreuznach, September. In *Karl Marx: Early writings*. London: Penguin Books.
45. Moraitis, A., & Copley, J. (2017). Productive and unproductive labour and social form: Putting class struggle in its place. *Capital & Class*, 41(1), 91–114. <https://doi.org/10.1177/0309816816682678>
46. Neary, M. (2017). Pedagogy of hate. *Policy Futures in Education*, 15(5), 555–563. <https://doi.org/10.1177/1478210317705742>
47. Osborne, P. (2010). A sudden topicality: Marx, Nietzsche and the politics of crisis. *Radical Philosophy*, (160), 19–26.
48. Paulsen, R. (2014). *Empty labor: Idleness and workplace resistance*. Cambridge: Cambridge University Press.
49. Peters, M. (2013). *Education, science and knowledge capitalism: Creativity and the promise of openness*. New York: Peter Lang.
50. Promissory notes: From crisis to commons (2009). Retrieved December 20, 2014, from <http://www.midnightnotes.org/Promissory%20Notes.pdf>
51. Rikowski, G. (2000). *That other great class of commodities: repositioning Marxist educational theory*. A paper presented at the British Educational Research Association Annual Conference 2000, Cardiff University, September 9th, Session 10.21. Retrieved July 14, 2018, from https://www.academia.edu/6055571/That_Other_Great_Class_of_Commodities_Repositioning_Marxist_Educational_Theory
52. Rikowski, G. (2001). The business take-over of education. *Socialist Future: Quarterly Magazine of the Movement for a Socialist Future*, 9(4), 14–17.
53. Rikowski, G. (2002a). Education, capital and the transhuman. In D. Hill, P. McLaren, M. Cole & G. Rikowski (Eds.), *Marxism against postmodernism*

in educational theory (pp. 111–145). Lanham: Lexington Books.

54. Rikowski, G. (2002b). Fuel for the living fire: Labour-power! In A. Dinerstein & M. Neary (Eds.), *The labour debate: An investigation into the theory and reality of capitalist work* (pp. 179–202). Aldershot: Ashgate.

55. Rikowski, G. (2003). The business takeover of schools. *Mediactive: Ideas Knowledge Culture*, (1), 91–108.

56. Rikowski, G. (2005). *Silence on the wolves: What is absent in new labour's five year strategy for education*. Education Research Centre, occasional paper, May, University of Brighton. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18899.20009>

57. Rikowski, G. (2015). *Crises, commodities and education: Disruptions, eruptions, interruptions and ruptions*. A paper prepared for the Research in Critical Education Studies (RiCES) Seminar, School of Education, University of Lincoln, 19th November 2015. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.25347.71205>

58. Rikowski, G. (2018). *Education crises as crises for capital*. A paper prepared for the International Seminar for Public Pedagogies, on 'Crisis and Education', International Centre for Public Pedagogies (ICPuP), University of East London, Stratford Campus, 21st February 2018. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.19141.96483>

59. Rikowski, G. (2021). Crisis. In S. Themelis (Ed.), *Critical reflections on the language of Neoliberalism in education: Dangerous words and discourses of possibility*. Abingdon: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003111580>

60. Roitman, J. (2011). Crisis. *Political Concepts: A Critical Lexicon*, (1). Retrieved July 22, 2018, from <http://www.politicalconcepts.org/issue1/crisis/>

61. Roitman, J. (2014). *Anti-crisis*. Durham & London: Duke University Press.

62. Samman, A. (2011). The idea of crisis. *Journal of Critical Globalisation Studies*, (4), 4–9.

63. Screamin', A. (2008). *The breakdown of a relationship? Reflections on the crisis*. Retrieved March 16, 2012, from <http://endnotes.org.uk/en/screamin-alice-the-breakdown-of-a-relationship-reflections-on-the-crisis>

64. Wain, K. (2004). *The learning society in a postmodern world: The education crisis*. New York: Peter Lang.

Информация об авторе

Гленн Риковски, доктор философии (PhD), приглашенный научный сотрудник, Колледж социальных наук Университета Лондона, Лондон, Великобритания, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9821-3762>, e-mail: rikowskigr@aol.com

Information about the author

Glenn Rikowski, PhD, Visiting Fellow, College of Social Science, University of London, London, the United Kingdom, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9821-3762>, e-mail: rikowskigr@aol.com